

ФОТО: ЮРИЙ ПАЛЬМИН

Старик, ты гений

У Александра Кроника очень хорошая коллекция русских художников, живших в советское время, официально не признанных, нонконформистов, героев «другого искусства», «второго авангарда». Лучшее в ней — вещи Анатолия Зверева и Владимира Яковлева. С большинством художников Кроник общался лично, с некоторыми дружил. Но даже спустя четверть века сохранил к ним безусловный пиетет, считая всех их не меньше, чем гениями.

Ольга Кабанова

«Советский образ жизни угнетал меня чрезвычайно»

Портрет коллекционера Александра Кроника, как его ни пиши, получается идиллическим. История его собирательства видится образцово-показательной, если изложить ее коротко, эскизно: дружил с большими художниками, когда они были еще не признаны и бедны, приобретал их работы, документировал их жизнь, постепенно собрал коллекцию несомненной сегодня художественной и материальной ценности, опубликовал ее в большой и красивой книге («Свой круг. Художники-нонконформисты в собрании Александра Кроника», *Артхроника* № 6, 2010).

Если писать о Кронике-коллекционере основательно, опираясь не только на опубликованный в той же книге мемуар, но и на результаты долгого расспрашивания, то подробный портрет получится совсем безнадежно положительным. Но уж тут ничего не поделаешь — придраться не к чему. Собирал в основном тех, с кем дружил, и только то, что нравилось. Определенных целей и задач перед собой не ставил, ни корысти, ни меценатских амбиций не имел, коллекция складывалась естественно, поэтому получилась непретенциозной и ненадуманной, но цельной.

Не оживит портрет и личность портретируемого. Нет у Александра Кроника экстравыразительных черт, для коллекционера как будто обязательных, никаких причуд и чудачеств, склонности к внешним эффектам или странностей в одежде, выдающих незаурядную натуру ценителя искусства, творческой личности. Профессия у Кроника хоть и «коллекционерская», часто встречающаяся среди собирателей, но антибогемная, требующая разумности и аккуратности — он адвокат.

И квартира у Кроника разумно устроена, расчетливым дизайнером спроектированная, исключая творческий беспорядок и художественную захламленность. Вот только живопись на стенах этой хорошо организованной квартиры не гладкая. Дерзкая и амбициозная, не умеренная и не аккуратная, созданная художниками, живущими и пишущими своевольно, по собственным законам, согласно личному пониманию искусства. «Быстрые» портреты милостивых женских лиц виртуоза Анатолия Зверева, глубокомысленное «Космическое яйцо» Юло Соостера, экзистенциально неприступные цветы Владимира Яковлева, а рядом стоит свинченая из железяк собачка Никиты Гашунина. Такое искусство Кроник любит: «Когда вернулся из больницы, посмотрел на них и понял, что меня они прямо физически поддерживают. Не хочу на

1. Александр Кроник.
Фото из личного архива

— —
«Пьянство, что меня вообще никогда не пугало, да еще на интеллектуальной почве. Философствовали»
 — —

2

какой-то языческий уровень выходить, но думаю, что живу много лет в энергетической атмосфере этих мощных творческих вещей».

Однако говорить он предпочитает не о своих вещах (а именно так поступают все коллекционеры), а об их авторах. Героев советского неофициального искусства 1960–1980-х со времен перестройки преподносят публике прежде всего как антисоветчиков, диссидентов, стойких противленцев режиму, но советский художественный андерграунд — это не политический протест, а духовное подполье, уход в себя, личное творчество, в досоветскую культурную традицию, в узкий круг близких духом художников, их друзей и почитателей.

Художникам этого круга жизненно-творческий процесс был важнее результата, самого произведения. И коллекционеры того времени ценили не столько работы художников, сколько общение с ними, другой, противоположный уныло-советскому образ жизни. Кроник именно такой коллекционер. «Начало моей коллекции материально и конкретно: оно имеет дату, адрес и свою историю. Коллекция началась в сентябре 1984-го с приобретения первого экспоната — моего портрета работы Анатолия Тимофеевича Зверева.

К тому времени мне было 26 лет, я уже четыре года как окончил МГУ и работал ад-

вокатом. Несвободный и бесперспективный (сегодня трудно понять, до какой степени) советский образ жизни угнетал меня чрезвычайно. В ту пору картины я не собирал и ни о каком коллекционировании не помышлял. Несколько прочитанных книг о французских импрессионистах стали отправной точкой. Я «открыл» для себя, что эти гениальные личности, непризнанные и недооцененные большинством современников художники, имеющие сегодня мировую славу, — все они были просто живыми людьми. Они существовали в современной им среде в окружении других людей: родственников, соседей, знакомых, владельцев галерей и т. д. И я вдруг понял, что и сейчас рядом со мной живут талантливые мастера, работающие независимо от советских канонов».

«Это все хорошо, детуля, а где ножки от стульев?»

Как только молодой скучающий адвокат решил познакомиться с непризнанными гениями, так чуть ли не на следующий день их и встретил. Первыми художниками, с которыми познакомился и тут же задружился Кроник, оказались Анатолий Зверев и Дмитрий Плавинский. Зверев сразу нового знакомого

и «увековечил», «за пол-литру». А вскоре и на время у него поселился. Они дружили до дня смерти художника. О Звереве Кроник вспоминает восторженно и нежно: «Неподалеку от моего дома Плавинский увидел пару выброшенных на помойку венских стульев и посоветовал: “Старик, отломай ножки, вьнь из круглого обода сиденье, загрузи его и покрась обод. Вот тебе и два холста для Зверева. И уже с рамами. А Зверь с круглой формой всегда отлично работал”. И объяснил, как нужно грунтовать. Когда в следующий раз появился Анатолий Тимофеевич, я показал ему “заготовку”.

— Это все хорошо, детуля, — сказал он. — А где ножки от стульев?

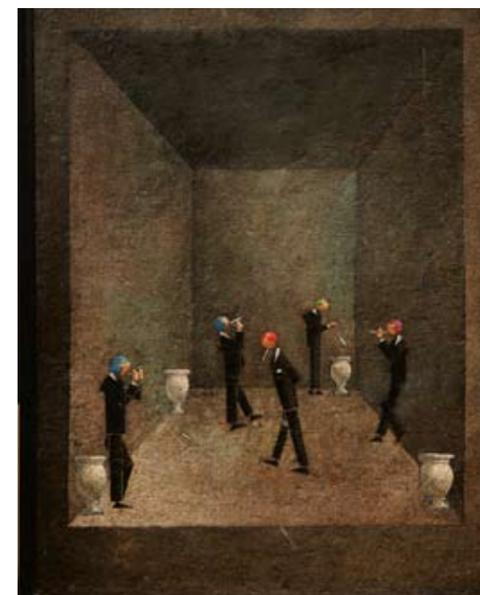
— Вон на балконе лежат. А зачем вам?

— Ты, старик, их не выбрасывай, я из них шашки напилю (Зверев был известным любителем шашек и очень сильным игроком).

— Да ведь есть же шашки!

— Это у тебя пиздификация пластмассовая, а не шашки. А я настоящие сделаю.

Довольный произведенным эффектом, Зверев стал готовить уголь и масляные краски для работы. Он написал “на стульях” прекрасные портреты двух моих собак: спаниеля Маши и русской борзой Улана, а я сфотографировал все стадии возникновения картин: рисунок углем, прорисовка маслом, завершенная работа. Буквально с первой встречи я воспринимал Анатолия Тимофеевича как гениальную личность. Каждый его жест хотелось зафиксировать и запомнить. Я часто фотографировал его, записывал его выражения и стихи, сберегал листы,

на которых он писал, к которым прикасалась его кисть. Кстати, его кисти по сей день стоят в стаканчике на моем письменном столе».

3

И сколько ни допытывайся, сколько ни переспрашивай, не мог же вечно пьяный, немый, бомжеобразный Зверев не раздражать, Кроник не устает повторять, что это был настоящий художник, грандиозная творческая личность и самый мощный человек из всех встреченных им в жизни, а фотографировать его было сущим удовольствием. «Да, он в доме у меня жил, и я ощущал это как ценность. С ним было очень интересно. Делать-то было нечего, все бесперспективно

4

5

2. Александр Кроник и Владимир Яковлев в психоневрологическом интернате № 30. 1987

3. Анатолий Зверев в квартире Александра Кроника. 1988

4. Виталий Комар. Курительная комната. 1972. Холст на доске, масло. 71,5x55. Из собрания Александра Кроника

5. Илья Кабаков. Без названия. 1971. Бумага, тушь. 22,5x29. Из собрания Александра Кроника

Михаил				Наталья
	Турция	такой	как	
	я	же	как	
и				Петров

6

7

6. Александр Кроник в гостях у художника Михаила Федорова-Рошала. 1990-е

7. Юло Соостер. Космическое яйцо. 1965. Картон, смешанная техника. 49,5x63. Из собрания Александра Кроника

серо. А тут пьянство, что меня вообще никогда не пугало, да еще на интеллектуальной почве. Философствовали. Он был старшим, мудрецом и таким беспомощным мальшиком, за которым надо следить, которого менты каждую минуту ловили».

После таких слов понятно, почему Кроник долго отказывался считать себя коллекционером, хотя вещи собирал. Зверев познакомил его со своими друзьями, с другими художниками, но: «Я не хотел, чтобы они думали, что я дружу с ними из-за их работ». Желание понятное, благородное и не практичное.

«Сейчас, конечно, бывает, придешь на выставку и думаешь, что мог бы, дурак, раньше запросто этого Вейсберга купить, а теперь не купишь. Но когда я начинал, то об этом не думал. Если человек сразу декларирует свое собирательство, то должен поставить для себя какие-то цели, рамки. А я вовлекался постепенно, все говорил, что я не коллекционер, а потом посмотрел: как так не коллекционер, если уже столько всего есть».

«Я ведь напал на людей даже в своей неформальной среде неформальных»

Сейчас в коллекции Кроника, судя по каталогу, 743 произведения 41 художника. Среди них не только нонконформисты, есть и современные: Аввакумов, Брайнин, Кирцова, Шутов. Особый случай — скульптор Никита Гашунин, одноклассник и друг Кроника, недостаточно (тут легко согласиться) оцененный.

Но основное ядро собрания — «другое искусство» Анатолия Зверева, Михаила Кулакова, Дмитрия Краснопевцева, Владимира Немухи-

на, Владимира Пятницкого, Василия Ситникова, Оскара Рабина, Владимира Яковлева, Владимира Янкилевского. Кроник подчеркивает, что есть и среди советского художественного андерграунда те, с кем у него отношения не сложились. Но ему очень повезло — сразу столкнулся с первыми, лучшими.

Бесспорно, самая ценная часть его коллекции — 183 работы Яковлева, еще одного встреченного Кроником гения, с которым он сдружился, насколько, конечно, это было возможно делать с обитателем психбольницы. («Я ведь напал на людей даже в своей неформальной среде неформальных. Яковлев просто блаженный был, никто про него плохого слова не сказал. Художники все кого-то терпеть не могут, как чайники кипят, а Володя даже краем глаза ни на кого лукаво не посмотрел».) Цветы, звери, пейзажи, портреты — все написанное почти слепым самоучкой, внешне безыскусно, но отрадно для глаза и ранит душу. Кажется, чтобы понять, чем, каким образом так притягивают и волнуют яковлевские картины и рисунки, Кроник несколько лет назад заказал статью о художнике искусствоведу Сергею Кускову, не менее колоритному персонажу, чем его герои, и опубликовал ее в своей книге. Кроник обстоятельный, сложносочиненный, исследовательский и аналитический этот текст ценит и любит. Хотя так сейчас не пишут, не серьезничают, глубоко не копают.

Разумеется, много в коллекции рисунков Зверева, в том одна совместная работа (однажды Зверев сказал Кронику: «Детуля, я придумал новую систему рисования: ты намазываешь, а я размазываю» — так родился рисунок «Туман»).

Другой предмет коллекционерской гордости Кроника — собрание ранних рисунков Оскара Рабина: его первых вещей, говорит, ни где больше и не увидишь, ни в одном музее.

Расспрашивать Кроника о том, как он все это наколлекционировал, бесполезно. Дарил, покупал, сам много дарил, менялся. Вещи, уверяет, просто сами шли в руки. В подтверждение приводит рассказ, как друг отдал ему найденные на помойки офортные доски Владимира Янкилевского, которые в конце концов были переданы пережившему в Париж хозяину. После чего Кроник с Янкилевским, как можно догадаться, подружились, так что стандартный коллекционерский рассказ о нежданной помоешной находке превращается в типичное крониковское повествование о прекрасном художнике, еще одном замечательном, умнейшем человеке, обогатившем его серую, хотя и обеспеченную, адвокатскую жизнь.

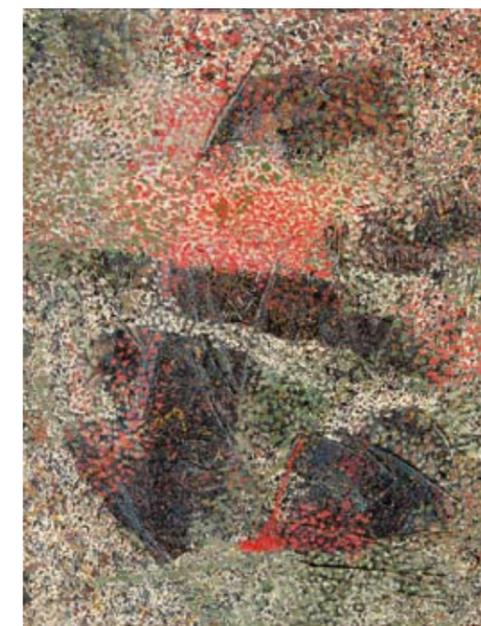
«Коллекционер вместе с художником въезжает в будущее»

8

9

Идея описать и опубликовать свое собрание появилась после того, как Кроник несколько раз показал его на публике, устроил три галерейные выставки. Сначала намерение казалось легко осуществимым. Но описание работ, составление справочного аппарата и, наконец, написание истории создания коллекции заняло гораздо больше времени, чем предполагалось. Кроник не просто заказал книгу-каталог, он долго и дотошно рабо-

→

8. Венедикт Ерофеев на даче у Александра Кроника. 1988

9. Владимир Яковлев. Портрет профессора А.П. Мясникова. 1964. Холст, масло. 55x43,5. Из собрания Александра Кроника

картины всеми неправдами, обходя тогдашние до нелепости странные законы. Кроник, например, вынужден был добавить на картине к подписи «Комар» буквы «о» и «в», чтобы знаменитый эмигрант, работы которого нельзя было вывозить, превратился в незначительного автора.

Правда, с Кроником трудно теперь разговаривать, про что ни спросишь, получаешь автоцитату. Он оправдывается: над воспоминаниями долго работал, формулировал. Вот сколько раз за свою жизнь, трезвым и нет, рассказывал, как Зверев за 18 секунд восхитительно нарисовал сангиной по мокрой бумаге лошадь, а теперь этот рассказ так отточен в мемуарах, что трудно не повториться.

Кроник уверен, что искусство, которое он собирал, — настоящее, ценность его неоспорима и только крепнет со временем. Уходят в прошлое, забываются обстоятельства места и времени появления произведений нонконформистов, но их картины и рисунки, теряя былую актуальность, обретают новые смыслы, продолжают раскрываться.

«Я уже и по абстракции вижу, когда она была написана — в 1950-е или 1970-е, научился чувствовать аромат времени. Но актуальщина — это только один из слов. Вот вещи Плавинского многослойны, они хороши и сами по себе, и как предмет в интерьере, и они философские, им есть что сказать, в них энергия».

10

тал над ней сам. В процессе, как признается, очень продвинулся в знаниях о «другом искусстве», особенно по части систематизации и уточнения фактов.

В результате получилась книга о художниках, «свободно живших в несвободной стране», о том, как у них это получалось и чего им это стоило. Ну и о самой стране, оставшейся только в воспоминаниях. Много в них видится сегодня невероятным. Например, рассказ Кроника о том, как ему при эмиграции в Израиль пришлось вывозить

11

10. Владимир Яковлев.
Два белых цветка.
1973. Бумага, гуашь.
30x41,5. Из собрания
Александра Кроника

**11. Анатолий Зверев
и Александр Кроник**
около Горкома графиков
на Большой Грузинской
улице в Москве. 1986

12

13 14

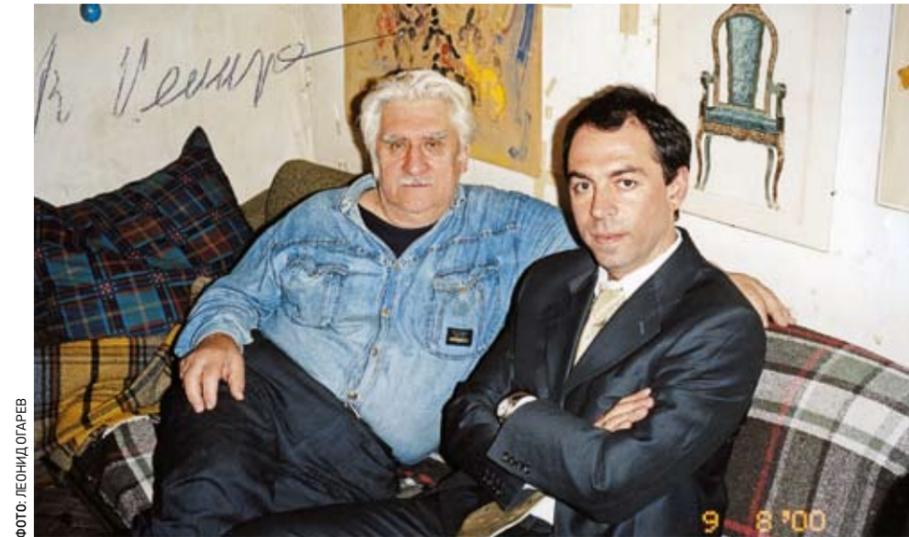

ФОТО: ЛЕСНИДГОГАРЕВ

**12. Александр Кроник
с Владимиром
Немухиным в мастерской
художника. 2000**

**13. Александр Кроник
и Дмитрий Плавинский
перед работами художника
на выставке в Горкоме
графиков. 1987**

14. Никита Гашунин.
Ночничок. 2006–2007.
Ассамбляж из деталей
конструктора
и других элементов.
Высота 35. Из собрания
Александра Кроника

Он утверждает, что не зациклен на мусорной эстетике шестидесятников, готов собирать других художников, но нет мотивации. Среди новых ему мало кто интересен — расчетливы, а потому не слишком отличаются от известных мастеров маркетинга и заигрывания с массами — Церетели и Глазунова.

Но он же говорит, что не видел среди коллекционеров замкнутых, закоряченных людей, они всегда чем-то новым интересуются. «Я вот написал, что коллекционер, собирающий живущих рядом художников, вместе с ними опережает время. Художник благодаря своему таланту улавливает тенденции, предчувствует будущее. Коллекционер этим талантом не обладает, но вместе с художником въезжает в будущее». ■

**ФОТОГРАФИИ — ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
АЛЕКСАНДРА КРОНИКА**

